

Глава 1

Адмирал Ямamoto не погиб от «лётчиков» 339-й эскадрильи утром 18 апреля 1943 года. Он благополучно закончил войну в чине адмирала и прожил ещё долгих двадцать лет в окружении жены и детей, как и предполагается трижды, национальному герою и основателю школы «Божественного кулака». А вот Уинстон Черчилль так и не произнес свою речь в парламенте и даже не был премьер-министром, Иосиф Сталин проиграл гонку за престол и даже не Льву Троцкому, как кому-то незаметному заместителю нарком обороны Федору Липину. Как-то Липин! И это только несколько фактов, отличающих этот мир от моего.

Да, после некоторого времени, потребовавшегося мне, чтобы осознать факт своей смерти и последующего воскресения, я понял, что этот мир не мой родной. Помимо того факта, что я воскрес в теле художника мольчишки шестидцати лет от роду, немало проблем доставил тот факт, что этот смышленый мольчишка — японец. Да, более того, живет в Японии и всегда в ней жил. Бонусом я получил пимать и невыки своего нового тела, да, зная японский, все эти хитрости и кдзю, зная, как употреблять суффикс -сини, ккой угол нужно склониться в присутствии старшего, но не родственник и не начальник по учебе или работе, и прочие полезности, позволяющие не выделяться на общем фоне. Так что вопросов тип

«А что это такое случилось с Синдзи-куном, что он даже палочки в руках держать не научился?» — не было.

И не то чтобы эти вопросы было кому задавать, все-таки Синдзи-кун, в теле которого я и пребываю в настоящее время, не был никому особо интересен. У него нет отца, насколько я могу взглянуть в его (этого тела) прошлое, никогда не было. Есть какие-то родственники со стороны мамы, воспоминания рисуют высокого и худощавого мужчину в возрасте с поджатыми губами. Он смотрит на Синдзи-куна и его маму, как Ленин на буржуазия и как солдат на вошь. Не очень благородно, скажем так. С пренебрежением смотрит. Даже презрительно. Смотрит и ничего не делает.

Мамы Синдзи-куна лежит у него в ногах в догадках — в позе глубокого раскаяния, уперевшись лбом в стену, ее черные волосы рассыпались по плечам и полу. С мамой Синдзи-кун тоже сидит рядом с мамой в догадках, но он ребенок, и ему становится скучно, и он на секунду поднимает взгляд, как раз достточно для того, чтобы поймать это выражение презрения и пренебрежения на лице женщины. Кто этот мужчина и почему эти сцены выглядят словно клише из дешевых фильмов категории «Б» про якудзу, я не знаю. В памяти Синдзи-куна тоже ответа нет.

Зато есть память о прибрежном городе, улочках, залитых солнцем, восторге, когда катишься по этим улочкам на старом, облупившейся синей каруселью и разбитым как фотом, велосипеде, о вкусе мороженого, купленного у толстого продавца возле фиолетовой тележки с надписью «Кок-кол», есть память о другом детстве — рыжем мальчугане с веснушками по всему лицу и подруге — смешливой девчонке с черными косами, о доме, где всегда вкусно пахло хлебом — мамы Синдзи-куна выпекла хлеб с мамой, по какой-то фирменной рецептуре, и с утра в доме всегда был свежий хлеб, с кусочком которого, например, из ореховой пасты или медом, Синдзи-кун вприпрыжку бежал в школу.

Школ , ч сы, которые изд в ли свой «динь-дон-динь», оповещ я, что он оп здыв ет и н до приб вить ш г, однокл сники, которых он помнил и д же испыты в л к ним теплые чувств , никто не др знился, не обиж л Синдзи-кун , кл сс был дружный, учительницу, М цу-д -с н, пожилую женщину в строгом сером костюме с доброй улыбкой — все ув ж ли и слуш лись. Хорошее детство, д .

До того момент , пок м м не з болел . П мять Синдзи-кун н чин л сбоить и рв ться н ч сти, словно ст р я киноленк в отжившем свое проекторе. И цвет. Все ст ло черно-белым. Хотя нет, белого цвет почти не было. Белым был больничный х л т. И м мино лицо н подушке. И кончики ногтей с мого Синдзи-кун , когд он стиски в л кул ки. Все ост льное было черным. Или серым. Лиц вр чей. Костюм, который ему пришлось н деть. Гроб. Церемония погребения. Алт рь, перед которым курились п лочки бл говоний, з ними, с черно-белой фотогр фии улыб л сь м м . И м леньк я черн я ленточк , перечерки в ющ я угол фотогр фии.

Здесь п мять Синдзи-кун обрыв л сь и долгое время ничего не пок зыв л . Словно бы ничего и не было. До того момент , пок в п мяти не всплыв л Н н сэ-нээс н. Сестренк Н н сэ. Ст рш я сестренк — тут он был непреклонн . Сестренк Н н сэ не был сестрой Синдзи-кун , не был его тетей или кузиной, н сколько Синдзи-кун поним л, они вообще не были родственник -ми. Тем не менее Н н сэ-нээс н р звил бурную деятельность, суть которой ускольз л от с мого Синдзи-кун , но в результ те они переех ли в другой город. Покрупнее. Д льше от оке н . С с мым н стоящим метро и небоскреб ми, с огромными торговыми центр ми и миллион ми втомобилей н улиц х утром и вечером. Днем улицы пу-стели, но вечером потоки втомобилей, гудки кл ксонов и з выв ющие сирены то ли полиции, то ли «скорой помощи» были привычной музыкой для ушей.

И вот тут-то и угор здило Синдзи-кун ш гнуть н дорогу, не оглядевшись по сторон м. В больнице очнулся уже я, с дикой головной болью и тем, что обычно н зыв ют синдромом ложных воспомин ний.

Кто я теперь — человек из п р ллельного мир , где дмир л Ям мото погиб под крупнок либерными «бр - унинг ми» 339-й эск дринли, утром 18 преля 1943 год , впит вший, поглотивший п мять и жизнь Синдзи-кун , или спл в этих двух личностей — обычного японского школьник и обычного поп д нц ? Кто зн ет. Этим вопросом я стр д л в течение трех дней, что леж л в больнице, и з пл к нн я Н н сэ-нэс н приносил мне фрукты в п л ту, вырез я из кусочков яблок фигурки кроликов и р сск зыв я смешные истории про животных и духов. С м он , кст ти, в духов верил . И в м гию верил тоже.

Д и к к не верить, если в этом мире м гия есть. Вернее, не совсем м гия, здесь это н зыв ют «концентр ция ки» — жизненной энергии. Но к к бы это ни н зыв лось, в здешних журн л х и г зет х есть фотогр фии того, к к человек одной рукой перевор чив ет бульдозер, к к от девушки с симп тичным лицом и почему-то зелеными волос ми рикошелят пули.

По телевизору, уст новленному в п л те, периодически пок зыв ют документ льный сери л «С мур и Ст рого Токио» — и т м творится просто трэш. Тр диционными японскими меч ми режут небоскребы, отр ж ют бомбовый уд р мерик нской рмии, к кой-то из семерки этих вот с мур ев призыв ет н тур льного Годзиллу для т ки н ви носец и прочие чудес из гонконгских фильмов н ч л восьмидесятых.

Этот мир был другим — где-то в мелоч х, вроде изменения цвет зн комого логотип (д , «Кок -кол » тут облюбов л ярко-фиолетовый цвет!), где-то и по-крупному — вроде сдвоенной вершины Фудзи и н зв ния — горы-близнецы Фудзи. Хотя, что есть крупное изменение, что мелкое — не мне судить. У Рэя Брэдбери

(кст ти, вот кого в этом мире не было никогда) был рск з про б бочку, изменившую мир... где и к к этот мир р зошелся дорогой с моим и почему к кие-то вещи ост лись неизменными, ответов н эти вопросы я не зн ю.

— Ям сит -кун! — р зд ется голос, и я подпрыгив ю н стуле. Д , мы все еще сидим в школе, и все еще идет урок истории, с доски н меня смотрит огромный портрет Исороку Ям мото, генер лиссимус флот Объединённой Японской Империи и п три рх школы «Божественного Кул к », который выжил в преле сорок третьего, чтобы одним точным уд ром р згромить вр гов стр ны в реш ющем ср жении при Мидуэе, и войн был окончен перемирием в сорок пятом. Д , ник кой ядерной бомбы н д Хиросимой. Сз ди хихик ют — опять этот тормоз Синдзи-кун н уроке воробьев считает.

— С томи-с н! — вск кив ю и кл няюсь. Япония. К к тут без поклон — «этот никчемный снов умудрился з снуть н уроке истории великолепной С томи-с н, приношу свои искренние извинения и готов искупить свою вину и смыть позор перед предк ми... любым приемлемым способом». Вот.

— Опять спишь н уроке, Ям сит -кун, — говорит С томи-с н, смягч ясь. — Повтори, что я только что ск з л ?

Я послушно повторяю м тери л учебник , отпеч твшийся в моей п мяти. С томи-с н кив ет, ус жив ет меня н место и продолж ет урок, время от времени прерыв ясь, чтобы поднять очередного «сч стливчик » и проверить усвоение гр нит н уки.

Звонит звонок, вернее школьные ч сы выд ют свое «динь-донн-динь», и после того, к к мы всем кл ссом вст ем и дружно кл няемся своему сенсею — домо риг то, годз рим шт ! — кл сс р злет ется по коридор м н большую перемену. Ко мне подс жив ется Цудзи и небрежно толк ет в плечо, з ним стоит его верный приспешник Ак и, низкорослый п рень с веснушк ми по всему лицу.

— Эй, тормознутый! — говорит Цудзи, н в лив ясь н мое плечо. — Сгоняй-к н м с п рнями з н питк ми к втом т м. Мне возьми г зировку с вишневым вкусом, две штуки.

— А я буду колу, — кив ет Ак и, — по дороге в столовой еще булочек с якисобой возьми.

— Точно. Якисоб . — Цудзи треплет меня по воло- с м. — Д в й, не тормози, перемен не вечн я. — И сме- ется. Я смотрю н них и невольно вздых ю. Эти двое не д ют покоя Синдзи-куну уже довольно д вно.

С с мого момент переезд в большой город — тог- д Синдзи-кун был р зд влен смертью м тери и переме- ной мест жительств , новой школой, новыми людьми, д и вообще говоря, он никогда не был душой комп нии или просто общительным п рнем. Он был тряпк . Еще и р зд вленн я тряпк . Прямо-т ки под рок для школь- ных хулиг нов, т кой иде льный объект для тр вли, или к к это по-современному — буллинг .

— Цудзи-кун, — говорю я, вст в я и убир я его руку со своего плеч , — мне неприятно это говорить, но мы с тобой не друзья. Поэтому предл г ю в м с мим сходить з н питк ми и якисобой.

Все-т ки мне н чин ть первый свой день в школе с пот совки, д еще и с детьми... пусть д же у меня с - мого т кое же тело. Но жизненный опыт, воля, умение р зреш ть конфликты и н р бот нный стиль ор торско- го м стерств должны позволить мне объяснить все ср - зу и к к следует. Т к ск з ть, решить все мирным путем. Д . Н верное.

— Что?! — гл з у Цудзи н лились кровью и выпучи- лись. — Что ты ск з л, угребок?!

— Я... — н ч л было я повторять, но в этот момент словно грузовик въех л мне в голову. А точнее — в ухо. Б мц! В голове потемнело, в уш х стоял звон. Цудзи р с- крыв л рот, я смотрел н него снизу вверх. Почему? По- тому что я сидел н полу.

— ...ты че, охренел, огрызок тормознутый?! — шипел сверху Цудзи, я только и чинил, понимаю, что произошло. Он ударил меня в ухо. Тело мелкого Синдзи-куна привыкло к такому обращению и село наизначицу, словив покладун. Я потряс головой — ккуртно, чтобы не встряхнуть еще раз, схватился за плечу и встал. Ноги не держали, тряслись, в ушах стоял звон, во рту медный привкус, сердце колотилось, норовя выскочить из груди.

Весь мир стал как ким-то длеким и отстранным. Так, подумаю, это мы уже проходили, знаю, что со мной происходит, это просто сенсорный шок, дренлин и прочие гормоны «бей или беги», надо взять себя в руки, я сто раз бывал в такой ситуации, это просто тело у меня неопытное, тело млолетнего говнюка, нет, неверно, не надо так про Синдзи-куна, у него было тяжелое детство и отсутствие отца в воспитании, вот и вырос — как вырос. Вжее решить — что сейчас делать. Черт. Мессркс. Ксожлению, нельзя не ответить на такой выпад. Мне придется довести дело до конца — иначе дальше будет только хуже. Пусть мое нынешнее тело и не создано для боя, более того, даже не тренировано в достаточной степени — все равно придется наводить порядок в нынешней обстановке. Я выдохнул.

— Только исподтишка бить умеешь? — мой вопрос стал вил Цудзи задохнуться своими словами.

— Может быть, выйдем, разберемся? — продолжил я, кивнув в сторону двери. — Пока больше перемен.

Вызов на ритуальный поединок Цудзи проигнорировать не мог. Никто не мог. Одно дело раздвигать тумки и подтыльники стоящим на низшей ступени школьной иерархии, и совершенно другое — уклониться от вызова. Да, он мог бы просто навалиться на меня в класе и отмудохнуть вместе со своим дружкой Аки, да еще кого-нибудь из своей свиты позвать.

Но это был бы конец его карьеры как самого вжогольфы в класе. Нет, он обязан был не просто принять

вызов, еще и сделать все, чтобы поединок прошел как можно более честно, покаяв я, что он тут все еще с мый крутой. Биться с прией — то еще удовольствие. Победишь — ну так никто другого и не ожид л. Проигрешь — проигрешь вдвойне, проигр лт кому рохле. Никого профит , одно рстройство.

— Ты в своем уме, тормозил ? — Цудзи усмех ется, глядя мне в гл з . — Н твои похороны я денег собира ть не буду. Тебя т м во дворе и з коп ют.

— То есть ты отк зыв ешься? Боишься? — з верш ю я р зговор оконч тельным ргументом. К к т м пис ли н пушк х — «последний довод королей»? Это вот последний довод п ц нвы во все времен — «че, струсил?». Простой к к три копейки и н дежный к к кув лд .

— Хм. Д , конечно. Пошли. Н деру тебе з дницу т к, что ты будешь своей м ме-шлюхе ж лов ться, з чем он тебя т кого родил ... — фырк ет Цудзи и отходит в сторону, дел я пригл ш ющий жест рукой. Деск ть — прошу, добро пож лов ть н свои похороны. Но эти детские приколы хорошо р бот ют с детьми и против детей. Я кив ю головой — вежливо, т к, словно бы жд лт кого жест от швейц р , и следую з движением.

В дверь кл ссной комн ты. В коридор, по ступеньк м и н школьный двор. Потом з угол, туд , где стоит небольшое помещение то ли кл довки, то ли скл д спортивного инвент ря. Именно т м собира ются и курят ст ршекл сники, под льше от бдительных гл з дежурных и учителей, именно т м и происходят р зборки и др ки. Д , риту льный поединок.

Я шел, ускоряя ш г, чувствуя спиной, к к з мной торопится Цудзи с его приспешник ми. Из-з его жест , которым он пыт лся пок з ть свое превосходство, я перехв тил иници тиву, и сейч с все выглядело т к, словно бы это я шел к месту поединк , он торопился вслед з мной. Впрочем, это все, конечно, будет нев жно, если я проигр ю этот поединок. Нев жно, кто и к к шел, кто

кому первый, что скзлик дерзко ты смотрел в глаза противнику, если ты проиграл.

Свято место пусто не бывает. Едва я вернулся в угол, я увидел нескольких стращалок, стоящих возле клеевой доски. Подвернутые руки, длинные чубы, сигареты в зубах, расстегнутые чуть ли не до пупка рубашки.

— Э, мля, чего надо? — спросил один из них, сымплетил, с красным белым чубом, картинно сплевывая на землю. Плевок получается стремительным и точным.

— Драться будем, — оповещает его я.

— Ок. Здорово. Тогда и мы поглядим, — говорит он и поворачивается к своим: — Смотрите, мля щас будут мхачуствовать.

— Класс, че... — откликнутся его дружки и изобразят интерес.

Я поворачиваюсь назад и вижу Цудзи и его свиту — Аки, Нобу и Такши. Кроме них сюда прибежали еще несколько одноклассников и даже несколько девочек — видимо, в расчете на шоу. Среди девчонок неожиданно вижу и Юки, или Снежную Королеву, и ее класс со своей свитой — двумя близняшками, Аей и Мико. Цудзи неожиданно бледен и нерешителен, непонятно с какой стати, мндржирует перед боем? Глупости, не может же он всерьез воспринять Синдзи-куна, вечного хлюпика и неумеху.

— Так! — стращалка хлопает в ладоши и улыбается зубастой улыбкой, не выпуская сигарету изо рта: — У нас сегодня событие! Кто драться-то будет? А, ты, знаешь... и ты... ясно. Знаешь, сегодня на Токио-рене состоится великий бой! Бой Синдзи-куна против Толстожопого. Я здесь прослежу, чтобы все было по правилам, честно и без грязных трюков. Знаешь, как, как ударишь по яйцам, откусывая уши или добивая лежачего. Я хочу видеть честный бой! — он разводит руки, явно поджигая спортивному рефери в боях без правил.

— Погоди, Акира, — говорит один из его дружков, длинный и нелепый словно жердь, — разве не надо

у них спросить, готовы ли они помириться и все т кое? Это же дуэль. К к в «Семи с мур ях Токийской битвы».

— Вот еще, — мот ет головой п тл тый, — во-первых, это будет неинтересно, во-вторых, они все р вно пришли др ться. Кст ти, приним ю ст вки и ст влю с м н Толстожогого. Должен удел ть Бот ник в первом р унде.

— К к интересно, — я смотрю н Цудзи и поним ю, что тот сдулся не потому, что испуг лся меня, моего изменившегося поведения или поединк . Он струхнул, н р в вшись н троицу отшельников н шей школы.

Хрен их зн ет, почему они решили себя т к н зыв ть, но в н шей школьной т бели о р нг х эт троиц з ним л почетное место где-то н Олимпе. Про них много чего говорили, но видеть их вживую Синдзи-куну не пришлось. Или пришлось, но он, конечно, был слишком з нят, бег я з г зировкой для Цудзи и его дружков. Поп д ться лишний р з им н гл з было чрев то д же для Цудзи. Может быть д же — особенно для Цудзи.

Т кие, к к я, троицу не интересов ли и интересов ть не могли, вот н глые ребят вроде Цудзи вполне могли получить порцию з служенного вним ния со всеми вытек ющими. Поэтому мой школьный «друг» ср зу же приж л хвост и изобр зил позу покорности, к к и пол г ется при виде более льфистого льфы.

— И че, долго мы жд ть будем? — лениво протянул третий, пог сив сиг рету о стену кл довки. — Когд мордобой н чнется?

— Д сейч с, — оск лился Цудзи, неторопливо сням я пидж ки з к тыв я рук в , — сейч с я тут кое-кому его место ук жу. Это недолго, уж извините н с, Акир -с н, но есть у н с в кл ссе один дур чок... которому неймется.

— Хе. Хорошо ск з но... — п тл тый Акир к чнул головой. — Д в йте н чин ть.

— Я готов, — я уже снял пидж ки тоже з к т л рук в — жест не сильно нужный, одн ко символичный,

пренебрегть символ ми в ритуальном поединке черевто непониманием со стороны публики. Пиджкя передл в руки одной из близняшек в свите Снежной Королевы — просто ткнул его ей в руки и все. Если бы я подошел с просьбой «подержи мой пиджк», мне бы даже не ответили, просто фыркнули бы и нос здрли, так, он и собрзть ничего не успел, как держит его у себя в руках, врожденная японская куртность и чувство долга недет ей бросить его нземлю. Потом, вероятно, его вменякинут и обзовут, но это потом, покаодн из близняшек (и я до сих пор не научился их рзличть) держит мой пиджк.

— Отлично! Итк! — птлтый Акир поднял руку, поочередно оглядел меня и Цудзи и резко опустил ее вниз. — Нчли!

Кк только слово прозвучло, Цудзи бросился ко мне. Он был мсвивнее меня, имел кой-ник кой опыт в дркхи, говорят, даже ходил в секцию дзюдо. Рзумным выбором было бы отступить с линии тки и попробовть зйти сбоку. Но я уже немного устл от всего этого детского сд и хотел з вершить все кк можно скорей. Кроме того, тело Синдзи-куна было неподготовлено к длительному поединку, нет, не тк — Синдзи-кун выдохся бы н второй минуте. А потому зтягивть процесс — не нш выбор. Я не стл отступть ни нзд, ни в сторону. Я сделал подшг вперед. Джэб. Я уже понял, что нынешнее тело не было выносливым или физически рзвитым, но координация и нвыки, которые я вырбтывл всю прошлую жизнь, все еще были со мной. Не полностью, но н сколько это вообще было возможно в этом неуклюжем подростковом теле.

Поэтому — джэб. Хороший джэб — словно электрон в современной физике — не столько чстиц, сколько волн. Это мгновенный, хлесткий и прктически невидимый обычным глзом уд р. Этим уд ром нельзя рзбить кирпичи или дробить стены, он не может откинуть